

Филиппова Ольга Николаевна,
Педагог-библиотекарь, Ассоциация искусствоведов,
г. Москва

**Павел Корин – художник XX века
(первый этап творческой деятельности)**

Аннотация: Павел Дмитриевич Корин называл себя «художником XX века». Это интересное и важное свидетельство. Корин – художник XX века не только по рождению, но и по существу своему. Его творческое формирование происходило в годы грандиозных преобразований в России, в период ломки устоявшихся форм жизни, тех самых форм, с которыми неразрывно был связан сам художник. Именно это обстоятельство сделало его особенно чувствительным свидетелем схватки старого с новым, свидетелем не холодным и безучастным, но сумевшим понять всю серьезность и драматизм борьбы, почувствовать в ней величественное движение истории. Вот это понимание и определило искусство Корина, его остроту и страстность, масштабность его образов, в которых героизм, драматизм и величие эпохи нашли выражение в завершенной, чеканной форме. К каким бы жанрам ни обращался художник – будь то портрет или пейзаж, историческая композиция, или декоративное панно – его искусство постоянно исполнено значительности и возвышенности. Историческая проблема «человек и время» не только становится ведущей темой его искусства, она определила своеобразие его стиля, бескомпромиссность его художественных исканий.

Ключевые слова: П.Д. Корин, художник XX века, портрет, пейзаж, историческая композиция, декоративное панно, искусство.

Павел Дмитриевич Корин родился в 1892 году в селе Палехе Владимирской губернии в семье крестьянина-иконописца. Корин часто говорил: «Я – художник не только по призванию, но и по рождению». Род Кориных, известный еще в XVII столетии, триста лет занимался иконописью. Отец художника, Дмитрий Николаевич Корин, серьезный и признанный мастер, был первым учителем своего сына. Акварель, написанная Кориным позже, когда он уже стал художником-профессионалом, передает своеобразие строгой атмосферы отчего дома в Палехе, которому, по словам художника, «более ста лет». Прочно стоят массивные скамьи вдоль стен. В углу – иконы. Детали скупого убранства дома говорят о патриархальном укладе быта его хозяев. Здесь царствует тишина, покой, медленно течет время. Происхождение Корина, его первые жизненные впечатления, крестьянско-патриархальные обычаи русской жизни, в которых он был воспитан, крепко связали его со старой Россией. Корину, как и многим его землякам, было «на роду написано» стать иконописцем. После начальной четырехклассной школы он поступил подмастерьем в иконописную мастерскую. Изучение в ней традиционных приемов древней иконописи, по словам Корина, научило его «упорству, упорству и упорству... Обучение проходило долго, утомительно и, прямо сказать, изувержки... Нарисуй, сотри, снова рисуй... и так до бесконечности... Есть выражение: «Протащить верблюда через игольное ушко». Так вот и я, – говорил Корин, – пришел в искусство через такое «ушко». Сначала иконописные мастера, потом пришлось переучиваться в Училище». Жизнь, однако, ломала косные традиции. В 1900-е годы, во время пребывания Корина в иконописной мастерской, в ней уже обучали и основам рисунка, и письму масляными красками. К этому периоду относится один из первых натуральных рисунков художника – «Портрет матери» (1909). Надежда Ивановна Корина была человеком светлого ума, много читала, особенно любила русских классиков. Художник изобразил ее за

книгой. Серьезно и вдумчиво всматривается молодой Корин в черты лица матери, внимательно моделирует их, пытается передать средствами рисунка выражение внутренней сосредоточенности читающей женщины. Не менее тщательно прорисовывает он, казалось бы, детали второстепенные, как складки платка, обрамляющего ее лицо. В этой ювелирности художественных приемов, в некоторой статичности образа портретируемой сказывались традиции иконописи палешан. Вместе с тем уже здесь, в раннем портрете, художник делает попытку, правда еще наивную и робкую, выйти из сковывающих форм иконописного канона, раскрыть существо человека, то, что впоследствии стало главной особенностью его зрелых портретов. С возникновением интереса к окружающему его живому миру Корин все более остро ощущал ограниченность того художественного метода, которому он обучался. Все настойчивее становилась мысль – ехать учиться в Москву. В 1908 году с сундучком, собранным матерью, и пятью рублями в кармане Корин отправился в Москву. Там тогда жил и работал его двоюродный брат, Алексей Михайлович Корин. В свое время это был известный художник-передвижник, занимавшийся и педагогической деятельностью. Не сразу нашел П. Корин в Москве то, о чем мечтал. В 1909 году он попал вновь в подмастерья, на сей раз в иконописную палату Донского монастыря. Со знакомства с художниками итальянского Возрождения начало проясняться для Корина представление о том «истинном искусстве», ради которого он расстался с родным селом и приехал в Москву. Вспоминая первое время своего пребывания в Москве, Корин рассказывал: «В Москве часто бывал в Кремлевских соборах. Однажды с товарищами-иконописцами пошел в Третьяковскую галерею. Смутно помню первое впечатление... Но здесь шевельнулось желание стать живописцем. Из самостоятельных работ художника этого раннего периода сохранились две иллюстрации к легендам о Ефросинии Суздальской и Симеоне Столпнике в книге, изданной Марфо-Марьянской обителью. Книгу эту оформляли несколько художников. От иллюстраций Корина веет тем же духом сказочной поэзии, которой веяло и от иконописных произведений его односельчан. Вместе с тем художественный язык этих рисунков восходит также к восточным миниатюрам, что явно подсказано стремлением воскресить самый дух легенды, в которой религиозный сюжет воспринимается, как поэтическое предание. То же качество сказочности, присущее иллюстрациям Корина, отличает их как произведение «истинного художника» от других иллюстраций книги, представляющих собой вполне банальные образы слащавого академизма XX века. Обращение к книжной иллюстрации было всего лишь эпизодом в творчестве Корина, которого с молодых лет влекло искусство монументальное, несущее в своем образном содержании глубокие философские обобщения. В 1911 году Корин получил от Марфо-Марьянской обители заказ на исполнение копии с иконы «Покров Богоматери» работы М.В. Нестерова. Копия понравилась Нестерову настолько, что он пригласил юношу Корина в помощники при росписи церкви Марфо-Марьянской обители, построенной по проекту архитектора А.В. Щусева в духе древней новгородской архитектуры. Знакомство с Нестеровым стало важнейшей вехой в биографии Корина. Работая рядом с Нестеровым, он видел, что тот даже при исполнении фресок религиозного содержания всегда опирался на натуру. Но при этом следование натуре не придавало искусству Нестерова будничной обыденности. От Нестерова Корин получил предостережение против опасности, таящейся в превращении художника в раба природы. В свою очередь Нестерова привлекло в Корине его возвышенное представление об искусстве. Нестеров понял напряженную духовную жизнь Корина. Он говорил, что глядя на худощавое лицо и вдохновенные глаза молодого художника, вспоминал юношей с фресок Гирландайо в церкви Санта Мариа Новелла. Таким и изобразил Корина Нестеров на портрете 1925 года. Вскоре их отношения из отношений учителя и ученика развились в пожизненную дружбу художников-единомышленников. По совету Нестерова Корин в 1922 году поступил в Московское училище живописи, ваяния и зодчества.

Обучался он у А. Архипова, К. Коровина и С. Малютина. Нельзя говорить о прямом влиянии на Корина его учителей. Но при их благотворном содействии молодому художнику открывалась красота реального мира, которую он учился передавать в пластических образах искусства. При этом от него потребовалась сильная воля, чтобы преодолеть усвоенный в Палехе условный иконописный язык. Один из ранних ученических этюдов натурщика выявляет еще весьма робкую, неумелую попытку художника передать живую натуру в технике масляной живописи. Тело человека кажется еще анатомическим муляжом. Контуры жестки, живопись суха и невыразительна. Однако целеустремленность и самоотверженный труд помогли Корину уже ко времени окончания Московского училища живописи в 1916 году стать прекрасным рисовальщиком. В том же, 1916 году были выполнены Кориним большие заказные работы. Одна из них – роспись подземной усыпальницы в Марфо-Марьинской обители – была первой значительной самостоятельной работой после Палеха и как бы завершала первый этап творческой деятельности художника, еще глубоко связанной с традицией искусства палешан. Таким образом, творчество Корина, в целом, – есть постижение самого духа эпохи грандиозных преобразований. Оно результат глубоких раздумий честного художника, беззаветно влюбленного в жизнь. Именно поэтому Корин сумел услышать вопросы, которые задавала ему жизнь, и, думая о них, мучаясь ими, найти свою особую, никем не хоженую дорогу в искусстве XX века.

Список литературы:

1. Райхенштейн, Ханна Моисеевна. Павел Дмитриевич Корин / Х.М. Райхенштейн. – Ленинград: Художник РСФСР, 1971. – 76 с.: ил.; 16 см. – ([Народная библиотечка по искусству]).
2. Филиппова О.Н. Портрет в творчестве А.М. Корина // Актуальные вопросы науки и практики / Сборник научных статей по материалам X Международной научно-практической конференции (24 февраля 2023 г., г. Уфа) / – Уфа: Изд. НИЦ Вестник науки, 2023. – С. 143-147.
3. Филиппова О.Н. Историческая Россия в творчестве М.В. Нестерова // Флагман науки. – №8 (8). Сентябрь. – 2023. – С. 70-72.
4. Филиппова О.Н. Портрет в творчестве М.В. Нестерова (1862-1942) // Молодий вчений. – 2018. – № 11 (63). – С. 569-578.

